

разработки. Эта весьма важная тема, несомненно, заслуживает отражения в монографическом исследовании, и рецензируемый сборник является важной ступенью к осуществлению такой работы.

Т. В. Егорова, В. И. Козлов

Ю. Д. Левин. *Оссиан в русской литературе (конец XVIII — первая треть XIX века)*. Л.: Наука, 1980, 203 с.

В 1760 г. в столице Шотландии Эдинбурге были анонимно изданы на английском языке «Отрывки старинных стихотворений, собранные в горной Шотландии и переведенные с гэльского или эрзийского языка». Сборник подготовил молодой шотландский учитель Джеймс Макферсон. В нескольких отрывках повествование велось от имени престарелого барда Оссиана, прославлявшего подвиги своего отца короля Фингала. Затем последовал ряд других публикаций, в частности два тома «Творений Оссиана» (1765).

По поводу подлинности поэм Оссиана возникла полемика, растянувшаяся более чем на столетие. В настоящее время вопрос вполне выяснен: Макферсон не был ученым-собирателем или публикатором; он был поэтом, создававшим свои произведения на основе фольклорных образцов, с которыми обращался совершенно свободно¹. Тем не менее долгое время мистификация Макферсона воспринималась как подлинник. Оссиан стал символом народных певцов в поэзии и науке, провозвестником интенсивного обращения к национальному наследию.

Поэмы Оссиана имели сенсационный успех. Ими зачитывались, их переводили, прославляли. Гердер, Гете, а затем и Байрон и Гюго с восторгом говорили о шотландском барде. Оссиан оказал мощнейшее влияние не только на мировую литературу, но и на общественное сознание. Оссианизм (подобно руссоизму) как движение общественной мысли был одним из основных стимуляторов формирования европейской этнографии и фольклористики, важнейшим из составных элементов общеевропейского романтического движения, связанного с обращением к национальной фольклорной традиции в период формирования этнического самосознания складывавшихся наций. Все фольклорные публикации второй половины XVIII — начала XIX в., начиная с И. Гердера и кончая бр. Гримм, развивались под знаком Оссиана. Это справедливо не только по отношению к немецкой, французской и английской фольклористике и этнографии, но и по отношению к зарождавшейся в те же десятилетия славистике. Имя Оссиана мы встречаем на первых же страницах известной книги К. Г. Антона — первой общеславянской этнографической монографии².

Одним из переводчиков Оссиана на польский язык был поэт-революционер Северин Гоцинский. Том Макферсоновых «Стихотворений Оссиана» в переводе на немецкий язык находим в библиотеке Вука Караджича³.

Существует немало работ о рецепции литературной мистификации Макферсона в различных странах Европы. Оссиан и его воздействие — тема большого историко-культурного значения. Современное решение ее возможно на основе комплексного подхода, понимания культуры как сложной, динамичной, противоречивой и вместе с тем единой системы.

Исследование восприятия Оссиана позволяет поставить ряд важных вопросов, в частности о его значительной роли в истории фольклористики и фольклоризма литературы в России, давно признанной, но далеко еще не изученной.

Как писал М. К. Азадовский, «особенно... ощутимо было воздействие „оссиановых поэм“ в области изучения народной поэзии: здесь они произвели целый переворот и значительно содействовали дальнейшему развитию теоретической мысли в этой сфере»⁴.

Об истории восприятия Оссиана в России в конце XVIII — первой четверти XIX в. и говорит Ю. Д. Левин в рецензируемой монографии, которая, несомненно, привлечет внимание всех, кто интересуется историей русской этнографии и фольклористики. Исследователь показывает, что, сыграв на определенном этапе развития русской культуры весьма активную роль, оссианизм также способствовал становлению русского пре-романтизма и романтизма, сближению русской литературы с фольклором.

Прежним исследователям русского оссианизма, как справедливо замечает Ю. Д. Левин, не доставало широкого контекстуального подхода к проблеме, учета ее многогранности. В рецензируемой книге дан краткий, но весьма содержательный очерк истории вопроса. Жаль только, что в нем не упомянута «История русской фольклористики» М. К. Азадовского, в которой можно найти интересные замечания об Оссиане и его роли в формировании фольклоризма русской литературы, и книга Дж. Коккьяра «История фольклористики в Европе».

Существенным недостатком предшествующих исследований русского оссианизма Ю. Д. Левин считает и то, что они были сосредоточены главным образом на крупнейших представителях русской литературы конца XVIII — начала XIX в. «„Массовый“...

¹ См. Азадовский М. К. История русской фольклористики. М.: Учпедгиз, 1958, с. 117.

² Anton K. G. Erste Linien eines Versuches über der alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Hainungen und Kenntnisse. T. I—II, Leipzig, 1783.

³ Добрашинович Г. Библиотека Вука Караджича. — ж. Библиотекар, 1973, № 3—4, с. 360.

⁴ Азадовский М. К. Указ. раб., с. 117.

оссианизм оставался вне поля зрения. Между тем без него невозможно составить представление о проблеме в целом» (с. 7). Поэтому Левин старается не пропустить ни одного факта, связанного с рецепцией Оссиана в России.

Рецензируемая книга написана на основе тщательных библиографических разысканий, о чем свидетельствуют и «Библиографические материалы», приложенные к ней. В них — 327 позиций. Ю. Д. Левин учитывает переводы и переложения, самостоятельные произведения на оссиановские темы, как оригинальные русские, так и переводные оссианические реминисценции, литературоведческие и критические работы и упоминания. Это и послужило базой исследования, его источниковедческой основой. Надо сказать, что библиография Ю. Д. Левина — ценный источник для истории русской этнографии и фольклористики.

В самой монографии весь материал расположен по проблемно-хронологическому принципу. И здесь специалисты по народному творчеству найдут немало ценного и важного материала.

Вслед за небольшой главой, вводящей в оссиановский мир и знакомящей с полемикой вокруг Оссиана в странах Западной Европы, Левин приступает к последовательному рассмотрению истории русского оссианизма.

Впервые, как установил П. Дюке, Оссиан был упомянут в русской печати еще в 1768 г. в «Слове о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях» И. А. Третьякова. Это упоминание, по мнению Ю. Д. Левина, — «лишь любопытный факт, не более» (с. 19). Оссиан начал проникать в русскую печать позднее, когда для его восприятия была подготовлена соответствующая почва. Здесь по сути сформулирован один из важнейших моментов, определяющих пафос работы Ю. Д. Левина, ее методологию. Восприятие Оссиана в России обуславливается не только его характерными особенностями, но и, в первую очередь, потребностями и возможностями русской общественной мысли, причем воспринимаемое трансформируется, перерабатывается, подчиняясь законам иной среды. Избирательность — общая закономерность культурных контактов. Это подтверждает и история русского преромантического и романтического фольклоризма. Оссианизм попадает в России на благоприятную почву. Почти одновременно с появлением сборника Дж. Макферсона в нашей стране начинается публикация произведений народного творчества — сказок, былин, песен, воспринимаемых на этом этапе как основа для создания подлинно народной, самобытной литературы. Увлечение «народностью», «народной» поэзией, стимулированное Макферсоном и охватившее затем русскую и другие европейские литературы, открыло первую страницу истории преромантизма в нашей стране⁵. В России творения легендарного шотландского барда попадают именно в русло идей преромантического фольклоризма. Оссиан, как подчеркивает Ю. Д. Левин, «служил... неким подспорьем при освоении русскими поэтами отечественного народного творчества... это имело и обратное последствие: в родном фольклоре искали формы для пересоздания шотландского барда по-русски» (с. 59—60). На рубеже XVIII и XIX вв. Херасков, Радищев, Капнист экспериментировали, стремясь воспроизвести в своем творчестве стилистические особенности и формы народной поэзии. Со временем такие эксперименты захватили и переложения поэм Оссиана.

К фактам, приведенным Ю. Д. Левиным, можно добавить и замечания Б. Н. Путилова о восприятии сборника Кириши Данилова: критики начала XIX в. сближали былины из «Древних российских стихотворений» с песнями Оссиана⁶.

Вопрос о взаимоотношениях литературы и фольклора, мысль о том, что Оссиан во многом стимулировал их сближение, проходит через ряд разделов книги. Так, комментируя «Последнюю песнь Оссиана» Н. И. Гнедича, Ю. Д. Левин замечает, что «молодой поэт делает попытку сроднить шотландского барда с отечественным фольклором» (с. 63). Отмечу и анализ сказочно-бogatырской поэмы Н. М. Карамзина «Илья Муромец», и страницы, посвященные Н. С. Грмматину, «страстному приверженцу романтического фольклоризма» (с. 69).

Убедительно говорит Ю. Д. Левин и о влиянии Оссиана на складывавшееся в конце XVIII — начале XIX в. историческое повествование. Как отмечает автор, песни шотландского барда были существенным, но не единственным образцом для русской исторической прозы, ориентированной на «Слово о полку Игореве», русские былины и западный авантюрно-рыцарский роман. Наиболее «оссианическими» произведениями русской исторической прозы были, по мнению Ю. Д. Левина, «Славянские вечера» (1809) В. Т. Наумова — собрание 14 прозаических поэм на летописные и былинные сюжеты, прославлявшие героическое прошлое народа. Итак, факты, приводимые автором, помогают глубже понять место русского фольклоризма в общеевропейском контексте, увидеть и его национальное своеобразие, и его типологическую общность с фольклоризмом европейским. Левин учитывает также и тот факт, что немецкие и французские переводы часто служили посредствующим звеном при создании русских переводов. Французским переводом Летуэна пользовался Ермил Костров, роль которого в истории русского оссианизма весьма значительна. Костровский перевод, как показывает Левин, явился базой русского оссианизма.

Ю. Д. Левин упоминает о той роли, которую сыграл в истории русского оссианизма перевод романа Гете «Страдания молодого Вертера». В этой связи автору, вероятно, стоило бы сказать и о Гердере, тем более что в библиографическом приложении назван перевод его статьи «Страна душ», один из разделов которой посвящен Оссиану. Очень

⁵ См. История романтизма в русской литературе (1790—1825). М.: Наука, 1979, с. 26—28.

⁶ Путилов Б. Н. «Сборник Кириши Данилова» и его место в русской фольклористике. — В кн.: Древние российские стихотворения, собранные Киришью Даниловым... М.: Наука, 1977, с. 368.

важно, что импульсы, идущие от Гердера и от Оссана, взаимодействуют в истории русского фольклоризма. Но при этом он остается глубоко самобытным явлением, неотъемлемой частью русской художественной культуры.

Процесс «соединения оссианизма с русской народной поэзией» исследован Ю. Д. Левиним обстоятельно, причем русский оссианизм в его исследовании предстает как сложное и противоречивое явление. В этом плане интересны страницы, посвященные оссианизму Державина и Карамзина. Речь идет о принципиально различной трактовке одного и того же явления, о том, какими неоднозначными могут быть творческие истолкования явлений традиционной художественной культуры.

Ю. Д. Левин внимательно ко всем фактам, характеризующим вхождение оссиановских тем, образов и мотивов в русскую литературу. Это позволяет ему установить своеобразную иерархию фактов, их функциональную роль в истории культуры, литературы, общественного сознания. Он говорит о том, как отношение к Оссану менялось в связи с изменением представлений о фольклоре и способах воссоздания его своеобразия. В сентименталистском фольклоризме упор делается на безыскусственность народной поэзии, не искаженной цивилизацией. Романтическая концепция выдвигает на первый план проблему национального своеобразия. В этом отношении характерна творческая эволюция Гнедича, сыгравшего, как было установлено еще М. К. Азадовским, выдающуюся роль в развитии прогрессивных идей русской фольклористики. От общего интереса к народной поэзии к пониманию специфики ее у разных народов — этот путь характеризует развитие русского фольклоризма. В высказываниях Гнедича второй половины 1810-х годов обнаруживаются идеи, предвещающие пушкинские опыты воссоздания инонациональных культур.

В рецензируемой книге убедительно решен вопрос о различных этапах и направлениях в русском оссианизме. Одно из этих направлений, как показывает Ю. Д. Левин, восходит к Муравьеву и Карамзину и находит затем свое воплощение в «Эоловой арфе» Жуковского (1814). Другое, получившее свое развитие в годы Отечественной войны 1812 г., на новой основе возрождается в декабристской поэзии. Переосмысливая оссиановскую традицию и наполняя ее новым содержанием, декабристы и сам образ шотландского барда представляли по-новому: отличительной его чертой объявлялась не чувствительность, а любовь к отечеству, т. е. гражданский пафос. В произведениях декабристов на оссиановские темы полно и ясно воплотилось новое представление о народном певце-вожде, трибуне, патриоте, герое. Особенно это проявилось в думах и поэмах Рыльева.

Около 1820 г. большинство русских литераторов укрепляются в мнении, что так называемые «поэмы Оссана» — не что иное, как создание Макферсона. Это оказывает свое влияние на судьбу русского оссианизма, он постепенно утрачивает активную роль в истории русской культуры.

Рецензируемая книга, безусловно, привлечет внимание историков русской этнографии, фольклористов и культурологов. Она характеризуется основательностью, точностью, мастерством анализа. Следует особо подчеркнуть, что автор владеет разнообразной методикой исследования. Порой, однако, он, пожалуй, излишне осторожен в выводах. Они могли бы с большей силой прозвучать на заключительных страницах работы. В некоторых случаях, несомненно, целесообразно было бы дать параллели из истории оссианизма в других славянских литературах, привлечь более широкий общеславянский контекст. Вместе с тем, разумеется, дело не в формальном подведении итогов. Внимательный читатель извлекает их без труда в ходе изложения обильного и выразительного материала, который весьма корректно демонстрируется автором.

М. Я. Гольберг

НАРОДЫ СССР

В. О. Рукавишников. Население города (Социальный состав, расселение, оценка городской среды). М.: Статистика, 1980. 246 с.

Пожалуй, центральной темой социологических исследований в нашей стране является развитие социальной структуры советского общества. Исследователи уделяют основное внимание классовой и внутриклассовой структуре; значительно меньше изучена территориально-поселенческая структура. Рецензируемая книга в известной степени ликвидирует этот пробел. По содержанию она с полным основанием может быть отнесена к числу этносоциологических работ. Вот что пишет сам автор о задачах своего исследования: «Сложившаяся в городе система расселения — социальная морфология города рассматривается как пространственное отражение взаимосвязи социальных, демографических и этнических характеристик горожан и особенностей городской среды. Выявление системы основных факторов, определяющих социально-пространственную дифференциацию советских городов, а также социологический анализ механизмов, влияющих на этот процесс, — это задачи данного исследования» (с. 4—5). Решение названных задач позволило получить целый ряд новых интересных для этносоциологии результатов и выработать ряд новых подходов. Использованный в работе так называемый «метод факторной экологии» впервые в отечественной науке применялся для изучения этносоциальных проблем. Возникший на стыке географии и социологии в середине 50-х